

Borodenko L. Graphic and Spelling Foreign Language Lexis as Representants Idiostyle Post-Soviet Ukrainian Writers Period.

In modern linguistic studios idiostyle interpreted as a set of language-expressive ways that performan aesthetic functionand feature a separate language writer among others; as a phenomenon that belongs to the realm of aesthetics, as the unity of content and formal lingual characteristics typical of the works of writers who create a unique, embodied in these works, the author's method of language implementation. One such method this is of graphic and spelling foreign language lexis that art iclepositioned as representants idiostyle Ukrainian writers Yu. Andrukhovich, O. Zabuzhko, I. Karpa, I. Rozdobudkoand other representatives of the Ukrainianpost-soviet literature. The article viewed the main vectors of the interpretation of the term "idiostyle" are characterized in the specificity of functioning of graphic and spelling foreign language lexisidio style Ukrainian writers in the post-soviet period.

Key words: *idiostyle, of graphic and spelling foreign language, lexis of graphic and spelling foreign language.*

Виолетта Вуколова
(Винниця)

УДК 811.161.1'42

**РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ КАК
МАРКЕРОВ АДРЕСОВАННОСТИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»**

В статье анализируется категория интертекстуальности, которая рассматривается как средство объективации картины мира автора художественного произведения. Понятие интертекстуальности, основанное на идее диалогичности М. М. Бахтина, не имеет однозначного определения. Это многогранное явление обнаруживает себя в разнообразных видах межтекстовых отношений. В данной работе интертекстуальность рассматривается как включение в текст «чужого слова», других текстов, прецедентных феноменов. Интертекстуальные включения, выделенные в романе В. Набокова «Машенька», анализируются как репрезентанты авторской картины мира и как единицы, несущие дополнительную смысловую или эмотивную нагрузку в художественном тексте. Интертекстуальные включения систематизированы в зависимости от их функций в тексте романа, определена их роль для адекватной интерпретации романа и описания особенностей авторского мировосприятия. Являясь маркерами адресованности, они составляют часть заложенной автором в текст интерпретационной программы, способствуя более глубокому пониманию художественного произведения и собственно личности писателя. В статье определены перспективы дальнейших научных исследований в этой области.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интертекстуальные включения, прецедентный феномен, прецедентный текст, авторская оценка, картина мира автора.*

Постановка проблемы. Проблема множественности связей текста с другими текстами давно стала предметом исследований как лингвистических и литературоведческих, так и философских. Неоднократно отмечалось, что текст существует в окружении других текстов, взаимодействует с ними, включает в себя следы предшествующих произведений и накладывает свой отпечаток на произведения других авторов. Помимо этого текст обладает динамическим характером – это непрерывно движущаяся, развивающаяся система, которая направлена на динамическую реализацию замысла автора и на установление отношений между адресантом и реципиентом. В дискурсе категория интерсемиотичности реализуется на основе диалогического взаимодействия модулей коммуникантов и текста с семиотическим универсумом – кодом культуры, науки, литературы и т. д. [6, с. 236].

Термин «интертекстуальность», введенный в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, стал одним из основных в анализе художественного произведения. Нам представляется актуальным обращение к изучению феномена интертекстуальности в контексте основных приоритетов современной лингвистики, основанных на субъектном характере современной научной парадигмы и проявляющихся в интересе к проблеме картины мира, в том

числе картини мира автора художественного текста. Важность осмысления понятия интертекстуальности обусловлена его связью с аксиоматичными для современной науки идеями диалогизма и смысловой открытости текста.

Анализ последних исследований и публикаций. Интертекстуальные концепции разрабатываются отечественными и зарубежными лингвистами в течение нескольких последних десятилетий. Интертекстуальность описывается как свойство различных типов текста: научного (С. А. Казаева, В. Е. Чернявская), поэтического (И. В. Толочин), текста массовой коммуникации (И. П. Смирнова), художественного прозаического текста (Н. В. Петрова); как особенность идиостиля (Е. Г. Воскресенская). Широко известны работы по теории интертекстуальности И. В. Арнольд, Е. Ю. Вагановой, И. В. Гюббенет, З. Я. Тураевой, Н. А. Фатеевой, L. Hutcheon, G. P. Landow. Однако некоторые положения и понятия теории интертекстуальности в силу своей сложности и многомерности до сих пор остаются дискуссионными, а проблемы – недостаточно изученными. К их числу относится проблема связи интертекстуальности с проблемой интерпретации художественного текста, отличительной особенностью описания которой является переключение исследовательского интереса с объекта познания на субъект, его мировидение и мироощущение: в фокусе анализа оказывается автор, «говорящий субъект», и использование им системы языка.

Целью статьи является выявление, описание и систематизация интертекстуальных включений (ИТВ) как репрезентантов авторской картины мира и как единиц, несущих дополнительную смысловую или эмотивную нагрузку в художественном тексте.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить и систематизировать ИТВ, репрезентирующие прецедентные феномены;
- 2) охарактеризовать ИТВ как сигналы (маркеры) адресованности;
- 3) определить значимость ИТВ для адекватной интерпретации художественного текста и описания особенностей авторского мировосприятия.

Материалом исследования служит роман В. Набокова «Машенька». Это произведение, относящееся к раннему периоду творчества писателя, безусловно, несет на себе отпечаток «влияния» других текстов, других авторов, что позволяет выделить ИТВ, которые характеризуют авторское мироощущение и являются маркерами адресованности, т. е. требуют необходимого запаса знаний у читателя, чтобы быть правильно интерпретированными.

Изложение основного материала исследования. Ю. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности на основе переосмысления работы М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», где автор, описывая диалектику существования литературы, отметил, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге». Теория исследователя нашла свое продолжение в работах теоретиков структурализма и постструктурализма (Р. Барт, А.-Ж. Греймас, Ж. Лакан). Сознание человека было отождествлено с текстом, следовательно, все стало рассматриваться как текст: литература, культура, общество, история, сам человек. Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит своеобразным предтекстом любого вновь появляющегося текста: «перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур... Единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что уже было читано, видано, сделано, пережито: код является следом этого уже» [1, С. 39]. Отмечалось, что те или иные фрагменты знакомых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности [8, с. 17].

Отсутствие общего фонда знаний у коммуникантов исключает возможность общения и понимания. Ученые подчеркивают, что «чем больше «коллективных» когнитивных структур, тем лучше понимание, вплоть до того, что называется «пониманием с полуслова» [3, с. 63]. Таким образом, «то или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное

соотношение производимого текста с предшествующими, то есть включает его в вертикальный контекст текстового универсума, в тот словесный мир, который создается языком и в котором мы живем» [8, с. 17]. Е. А. Селиванова, вслед за М. Бахтиным и К. Леви-Строссом, отмечает, что вовлеченность дискурса в семиотический универсум имеет рекурсивную (связь с тем, что уже создано) и прокурсивную природу (связь с тем, что будет создано) [6, с. 236-237].

Каноническую формулировку понятиям интертекстуальность и интертекст дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [7, с. 36-37].

Понятие интертекстуальности неразрывно связано с понятием «прецедентный феномен», которое прочно вошло в лингвистическую терминологию (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных и др.). Для определения самого общего понятия «прецедентный феномен» исследователи предлагают использовать дефиницию Ю. Н. Караулова, которую он дал прецедентному тексту. Такое замещение терминов можно считать приемлемым, так как Ю. Н. Караулов трактует «текст» достаточно широко. Подобное понимание «текста» мы встречаем и в трудах Ю. М. Лотмана: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в тексте» [4, с. 121]. Таким образом, под прецедентными феноменами (ПФ) понимаются феномены «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Общее понятие прецедентного феномена включает феномены вербальные (тексты в самом широком смысле этого слова) и невербальные (произведения живописи, скульптуры и архитектуры, музыкальные произведения и т. д.), хорошо известные членам того или иного социума (от семьи до национально-культурного сообщества), что входят в коллективное когнитивное пространство коммуникантов и являются прецедентными [3, с. 63-64].

В тексте художественного произведения прецедентные феномены актуализируются при помощи прецедентных имен и прецедентных высказываний. Выделенные в романе В. Набокова «Машенька» маркеры прецедентных феноменов мы разделили на группы в зависимости от их функций в тексте:

- 1) ИТВ, выполняющие содержательно-прогнозирующую функцию, предназначенную для характеристики персонажа или места действия, а также вероятного развития событий в произведении;
- 2) ИТВ, выполняющие локализирующую функцию, служащую для соотнесения фабулы произведения с определенными пространственно-временными координатами;
- 3) маркеры, выполняющие социологическую функцию, состоящую в указании на среду, общественную и национальную принадлежность персонажа;
- 4) ИТВ, выполняющие аллюзивную функцию, т. е. более или менее зашифрованные намеки, связанные с конкретными лицами, местами или событиями.

Охарактеризуем выделенные нами маркеры.

В группе ИТВ, выполняющих содержательно-прогнозирующую функцию, в первую очередь мы выделяем эпиграф. Эпиграф относится к предикативным цитатам, которые характеризуются высокой степенью информативной насыщенности и играют важную роль в выполнении общего коммуникативного задания текста. Как отмечает З. Я. Тураева, эпиграф – это «тот компонент художественного текста, который отсылает читателя к исходному тексту и программирует сеть ассоциаций, тот знак художественного текста, который способен установить интрасемиотические соответствия» [9, с. 54]. Эпиграф является двуплановой единицей, принадлежащей одновременно двум семантическим планам – тексту-источнику и новому тексту. Прагматическая функция эпиграфа зачастую состоит в том, чтобы создать в восприятии читателя

ассоциативный фон, который необходим для понимания особенностей изображаемых событий и характеров, восходящий к другим культурным текстам.

Текст романа «Машенька» предваряет строка из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: *...Вспомня прежних лет романы, Вспомня прежнюю любовь...* (В. Набоков, с. 21). Главным предназначением цитаты является формирование читательской установки, указание на основной мотив фабулы предлагаемого произведения, прогнозирование возможного развития событий в романе. Цитирование «Евгения Онегина» изначально указывает на невозможность счастливого финала для главного героя, его удел – воспоминания о прежних счастливых и безмятежных днях и осознание невозможности изменить существующий порядок вещей, вернуть возлюбленную и снова пережить волнующие моменты.

Содержательно-прогнозирующую функцию выполняет и упоминание в тексте романа литографии «Тайная Вечеря» при описании пансиона, где проживали герои «Машеньки»: *В конце первой части коридора была столовая, с литографической «Тайной Вечерью» на стене...* (В. Набоков, с. 24). Экспликация концепта Тайной Вечери – последней трапезы Иисуса Христа и двенадцати апостолов предвещает читателя о прощальном ужине в пятницу, после которого Ганин исчезнет из пансиона.

Локализирующую функцию в тексте романа выполняет ИТВ, содержащее в своем составе прецедентные имена: *Они встретились под той аркой, где – в опере Чайковского – гибнет Лиза* (В. Набоков, с. 71). Такой описательной конструкцией В. Набоков указывает место в Петербурге, где происходили свидания Ганина и Машеньки. Но это только первый, поверхностный слой функционирования ИТВ как географического маркера, так как четко прослеживается и определенная прогнозирующая направляющая. Намекая на историю отношений Лизы и Германа из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, автор указывает на невозможность счастливой развязки. Кроме того, упоминание прецедентного имени *Чайковский* призвано эксплицировать авторскую иронию относительно изменения финала в оперной «Пиковой даме», где по либретто брата композитора Лиза бросается в воду. Таким образом, можно утверждать, что анализируемое ИТВ содержит несколько смысловых и коннотативных слоев, соотносящихся как с фабулой произведения, так и с личностью автора.

Упоминание прецедентного феномена – картины швейцарского живописца А. Беклина – выполняет в романе социологическую функцию: репродукция с «Острова мертвых» была настолько популярна, что превратилась в обязательную деталь интерьера. В. Набоков «помещает» ее в комнату Клары: *... на стене была копия с картины Беклина «Остров мертвых»...* (В. Набоков, с. 47), что служит маркером имплицитной характеристики героини как ординарной мешанки, следящей за последними модными веяниями, и в то же время эксплицирует авторскую иронию.

К ИТВ, выполняющим аллюзивную функцию, относится описание танцовщика Колина: *...сам он думал, что похож на верленовского «полу-ньеро, полу-гаврош»...* (В. Набоков, с. 66). Намек на сложные отношения дружбы-любви между французскими поэтами Полем Верленом и Артюром Рембо является имплицитной характеристикой отношений между героями романа Колиным и Горноцветовым, а также выступает маркером, указывающим на некоторые особенности образа жизни представителей творческой богемы. Таким образом, авторская характеристика выходит за рамки романа, охватывает определенную общественную прослойку, с которой был знаком автор произведения.

Аллюзивную функцию выполняет высказывание, вложенное в уста поэта Подтягина: *Запропасть паспорт. Облако в штанах, нечего сказать* (В. Набоков, с. 81). Самоирония героя несет дополнительную оценочную коннотацию. Кроме того, здесь мы видим авторскую отсылку к поэме «Облако в штанах». В. Набоков пристально и пристрастно интересовался творчеством В. Маяковского, поэтому совмещение в одном контексте заглавной метафоры поэмы с образом нелепого и беспомощного поэта прежде всего отражает набоковскую литературоведческую оценку В. Маяковского.

Выводы исследования и перспективы дальнейших научных поисков. В картине мира автора художественного текста, как и в картине мира любого человека, органически сочетаются универсальная, национальная и индивидуально-личностная составляющая, последняя из которых

отражает уникальность авторского мировидения. «Моя голова говорит по-английски, сердце – по-русски, а ухо предпочитает французский», – любил говорить о себе В. Набоков. Такое совмещение различных языков и культур не могло не отразиться в творчестве писателя, которое представляет собой богатый материал для изучения феномена интертекстуальности. Призывая читателя обращать внимание прежде всего на мелочи, забыть о банальных обобщениях, В. Набоков щедро насыщал свои тексты такими деталями. Средствами объективации авторского мировосприятия, представляющими непосредственный интерес для исследования, выступают, в частности, интертекстуальные включения. Являясь маркерами адресованности, они составляют часть заложенной автором в текст интерпретационной программы, способствуя более глубокому «проникновению» в художественное произведение и пониманию личности автора.

Изучение феномена интертекстуальности – одно из перспективных направлений лингвистики текста. Как языковое явление и текстовая категория интертекстуальность представляет собой результат работы сознания по переработке и хранению знаний о мире, реализует многомерные связи в картине мира. Конкретизируя диалогичность и открытость текста, интертекстуальность в многообразии своих проявлений является предметом новых лингвистических и междисциплинарных теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Ролан Барт. - М.: Прогресс, 1989. - 616 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. - 263 с.
3. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. - М.: Филология, 1997. - Вып. 2. - С. 5-12.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. - М.: Гнозис, 1992. - 271 с.
5. Набоков В. В. Романы / В. В. Набоков. - М.: Современник, 1990. - 542 с.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. - К.: Изд-во украинского фитосоциологического центра, 2002. - 336 с.
7. Степанов Ю. С. В мире семиотики / Ю. С. Степанов // Семиотика: Антология [сост. Ю. С. Степанов]. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 5-42.
8. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. - 1995. - № 6. - С. 17-29.
9. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика) / З. Я. Тураева. - М.: Просвещение, 1986. - 127 с.

Вуколова В. Роль інтертекстуальних включень як маркерів адресування в романі В. Набокова «Машенька».

У статті проаналізовано категорію інтертекстуальності, яка розглядається як засіб об'єктивації картини світу автора художнього твору. Поняття інтертекстуальності, що ґрунтується на концепції діалогічності М. М. Бахтіна, не має однозначного визначення. Це багатогранне явище реалізується в різних видах міжтекстової взаємодії. У поданій роботі інтертекстуальність розглянуто як включення в текст «чужого слова», інших текстів, прецедентних феноменів. Інтертекстуальні включення, які були виділені в романі В. Набокова «Машенька», розглядаються як репрезентанти авторської картини світу і як одиниці, що несуть додаткове смислове або емотивне навантаження в художньому тексті. Інтертекстуальні включення систематизовано залежно від їхніх функцій у тексті роману, визначено їх роль для адекватної інтерпретації твору та аналізу особливостей авторського світосприйняття. Як маркери адресування вони є частиною закладеної автором у текст інтерпретаційної програми, сприяють глибшому розумінню художнього твору й особистості письменника. В роботі визначено перспективи подальших наукових розвідок у цьому напрямку.

Ключові слова: інтертекстуальність, інтертекстуальні включення, прецедентний феномен, прецедентний текст, авторська оцінка, картина світу автора.

Vukolova V. The Role of Intertextual Inclusions as Markers of Addressing in V. Nabokov's Novel «Mashen'ka».

The article analyzes the category of intertextuality, which is studied as the means of the author's worldview objectivation. There is no unambiguous, unique definition of the concept of intertextuality, which

is based on M. Bakhtin's idea of dialogue. This multi-faceted phenomenon realizes in different forms of intertextual interaction. The article examines intertextuality as inclusions of other words, other texts, precedent phenomena found in the literary text. Intertextual inclusions, discovered in V. Nabokov's «Mashen'ka», are distinguished as representatives of the author's worldview and as unites with additional meaningful and emotive impact. Intertextual inclusions are classified according to their functions in the text of the novel; their role for understanding and appropriate interpretation of the novel as well as for the author's worldview analysis is researched. As markers of addressing intertextual inclusions are the part of the author's interpretational program laid in the literary text; they contribute to deeper understanding the novel and the author's personality. The article defines future trends in scientific development of this problem.

Key words: *intertextuality, intertextual inclusions, precedent phenomenon, precedent text, author's evaluation, author's worldview.*

*Людмила Герасименко
(Кiровоград)*

УДК 811.111'276.6:656.7

СЦЕНАРIЇ КОМУНІКАТИВНОЇ ВЗАЄМОДІЇ В АНГЛОМОВНОМУ ДИСКУРСІ РАДІООБМІНУ

У статті висвітлено лінгвістичні особливості сценаріїв комунікативної взаємодії в англomовному дискурсі радіообміну. Визначено, що англomовний дискурс радіообміну є інституціональною професійною комунікацією, що здійснюється пілотом та авіадиспетчером за допомогою радіотехнічних засобів з метою підвищення ефективності проведення польотних операцій і безпеки польотів. Автором підкреслюється значення дослідження лінгвістичних особливостей професійної комунікації пілота та диспетчера, оскільки передана інформація й вказівки за допомогою радіотелефонного зв'язку мають життєво важливе значення для забезпечення надійної експлуатації повітряних суден. Виокремлено два типи сценаріїв комунікативної взаємодії між пілотом та диспетчером: «мовлення в нестандартних ситуаціях» (crises talk) та «мовлення в стандартних ситуаціях» (non-crisis talk). Описані мовні засоби, які використовуються у сценаріях діалогу типу «мовлення в нестандартних ситуаціях». Визначено компоненти комунікативних сценаріїв: комунікативні кроки, мовні ходи та діалогічні єдності. Зазначено, що добрі знання комунікативних сценаріїв відіграють важливу роль у здатності легко й точно розуміти та продукувати висловлювання у процесі діалогу пілота та диспетчера.

Ключові слова: *англomовний дискурс радіообміну, авіаційний дискурс, сценарії комунікативної взаємодії, комунікація, професійне спілкування, стандартна фразеологія радіообміну.*

Постановка проблеми. Спілкування є невід'ємною частиною життя й діяльності людини та головним чинником формування, розвитку та становлення особистості. В умовах глобалізації, інтеграції України в європейський простір та динамічного розвитку інформаційних технологій особливого значення набуває професійне спілкування іноземною мовою. Взаємодія й обмін інформацією у діловій, освітній, виробничій, професійній, науковій та інших сферах людської діяльності є безперервним процесом, який має свої мовні особливості.

Професійне спілкування диспетчера та пілота здійснюється за допомогою радіотелефонного зв'язку. Передані інформація та накази мають життєво важливе значення для забезпечення безпечної та швидкої експлуатації повітряних суден. Скорочення числа авіаційних подій унаслідок механічних несправностей обумовило нижчий показник небезпеки під час польоту, однак на перший план вийшов інший чинник – людський, який згідно з даними розслідування останніх авіакатастроф становить від 70 % до 90 % від усіх авіаційних пригод на міжнародних повітряних трасах. Зауважимо, що лінгвістичні помилки учасників радіообміну (пілотів і диспетчерів) становлять 33% із зазначених даних.

Статистика констатує, що більше ніж 800 людей загинули в результаті трьох великих авіаційних катастроф (одне зіткнення на землі, одна аварія внаслідок повного вироблення палива